

УДК 903.02(571.53)

Керамические комплексы Усть-Белой: систематизация, хронометрия, хронология *

И. В. Уланов

Иркутский государственный университет

И. М. Бердников

Иркутский государственный университет

Аннотация. Проведен анализ керамических комплексов многослойной стоянки Усть-Белая (Южное Приангарье), в результате чего на основе морфотехнических признаков выделены 20 разновременных групп. По итогам исследования и сравнительного анализа с материалами Байкальской Сибири атрибутирована керамика 14 групп, установлена относительная и абсолютная их хронология. Наиболее представительны в количественном отношении комплексы усть-бельской и хайтинской керамики периода неолита. Неолитическая посольская и сетчатая керамика представлена единичными фрагментами. Период позднего неолита – бронзового века представлен рубчатой керамикой разных типов. Ко времени раннего железного века и средневековья отнесены несколько групп, включающие керамику тышкинейского (сеногдинского) типа, с ячеистым («вафельным») техническим декором, с налепными и примазочными валиками, пальцевыми защипами и прочерченным орнаментом с прямолинейными и «растительными» мотивами.

Ключевые слова: Байкальская Сибирь, Усть-Белая, неолит, бронзовый век, ранний железный век, средневековье, керамика, классификация, хронология.

Введение

В результате исследований многослойных голоценовых стоянок в 1960–1990-е гг. иркутскими и красноярскими археологами получен значительный по объему и репрезентативности массив материалов по древнему гончарству юга Средней Сибири. Тематические и охранно-спасательные работы последних лет пополнили источниковую базу, новые данные постепенно анализируются и публикуются [Бердников, Лохов, 2013; Когай, Бердников, 2013; Лохов, Роговской, Дударёк, 2013]. Из материалов прошлого века в научный оборот введена лишь малая часть, ввиду чего назрела необходимость детального анализа и презентации керамики из раскопок объектов с высокой степенью изученности. Одним из них является знаменитая многослойная стоянка Усть-Белая, расположенная на левом приустьевом участке р. Белой в месте впадения ее в р. Ангару (110 км на северо-запад от Иркутска) (рис. 1). Место-

* Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ, проект № 33.1637.2014/К.

нахождение открыто в 1929 г. М. М. Герасимовым, который произвел здесь в 1930-е гг. первые раскопки. Наиболее интенсивное изучение Усть-Белой проходило в 1950–1960-х и 1980–1990-х гг. [Бердникова, 1995] (рис. 2). Полученные данные легли в основу концепции развития мезолитических и неолитических культур Верхнего Приангарья.

Наиболее полно в литературе освещены археологические комплексы финального плейстоцена и раннего голоцена [Мезолит Верхнего Приангарья ... , 1971], а также Усть-Бельского могильника, относящегося к китойской группе захоронений [Георгиевская, 1989]. Материалы поздних периодов (от неолита до средневековья) введены в научный оборот частично [Савельев, Медведев, 1973; Сеницына, 1986; Бердникова, 2001]. Это связано, видимо, с тем, что поздние стояночные комплексы Усть-Белой, содержащиеся в субаэриальных отложениях в системе макрослоистости, не вошли в список приоритетных в процессе дальнейшей разработки культурно-хронологической концепции неолита – бронзового века региона. Предпочтение было отдано интенсивному изучению мультислойчатых археологических объектов, где культурные комплексы фиксировались преимущественно в аллювиальных почвах отложений высоких пойм р. Ангары и ее притоков (Казачка I, Горелый Лес и др.) или в почвах делювиально-эоловых и делювиально-пролювиальных отложений байкальского побережья (Улан-Хада и другие стоянки байкальского побережья) [Савельев, Горюнова, Генералов, 1974; Генералов, 1979; Савельев, 1989; Горюнова, Савельев, 1990].

Стратиграфическая ситуация отложений среднего и позднего голоцена Усть-Белой осложняет выделение обособленных керамических комплексов. Не решен вопрос с датировкой и хронологией керамики, и главным образом это относится к комплексам бронзового века – средневековья. Тем не менее междисциплинарные данные, полученные в результате изучения многослойных объектов юга Средней Сибири, позволяют сегодня систематизировать и определить относительную и абсолютную хронологию керамических материалов Усть-Белой.

Цель настоящего исследования – выделение из совокупности материалов, полученных в результате археологического изучения многослойной стоянки Усть-Белая, культурных комплексов на основании анализа керамики, определение их хронометрии и хронологии в условиях макрослоистости. Работа выполнена в рамках формально-классификационного подхода, с использованием следующих методов: морфометрического, сравнительно-морфологического, статистического, типологического, сравнительного анализа и аналогий.

Материалы и анализ

В качестве источниковой базы выступает керамический материал (сосуды и фрагменты), полученные в результате раскопок Усть-Белой, проведенных под руководством: Г. И. Медведева (1960-е гг.), Н. Е. Бердниковой (1980–1990-е гг.), И. М. Бердникова и Н. Е. Бердниковой (2011 г.). Основными критериями для систематизации керамических комплексов Усть-Белой выступают морфологические и технологические особенности сосудов. В комплексе с ними рассмотрены общие принципы декорирования и особенности техники формовки (в тех случаях, где это возможно).

Рис. 1. Карта с указанием расположения многослойного местонахождения Усть-Белая

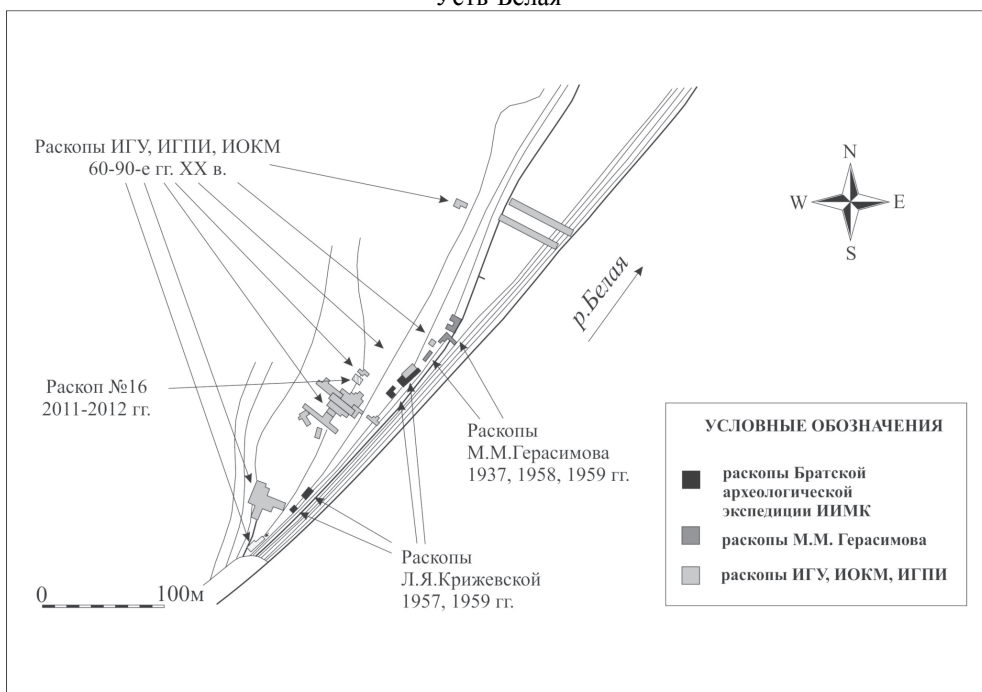

Рис. 2. Многослойное местонахождение Усть-Белая, схема расположения раскопов

В общей сложности проанализировано 1150 информативных фрагментов керамики от 150 сосудов, в числе которых 5 археологически целых. На основе комплекса признаков выделено 20 групп керамики (табл. 1).

Группа 1 (рис. 3, 1–3). К ней относятся 6 фрагментов от 2 сосудов с оттисками плетеной сетки на внешней поверхности. Форма сосудов не установлена, орнамент отсутствует. Черепок плотный, тонкий (0,3–0,5 мм). Сетчатые отпечатки, по нашему мнению, в данном случае образовались в результате выбивки стенок сосуда колотушкой через плетеную сетку, использовавшуюся в качестве уплотнительной прокладки [Бердников, 2013, с. 207].

Группа 2 (рис. 3, 4–9). 45 фрагментов от 20 сосудов хайтинского типа. Хайтинские сосуды характеризуются, как правило, сложной закрытой формой с приостренным или округлым дном. Приустьевая часть профилирована. Срез венчика прямой, украшен наколами. Внешняя поверхность сосудов полностью покрыта отпечатками тонкого витого шнура. На внутренней поверхности многих фрагментов фиксируются следы в виде желобков, которые мы интерпретируем как результат выбивки сосуда при помощи фрагментов хайтинской керамики с прочерченным орнаментом, прикладывавшихся изнутри в месте удара. Композиции орнамента – зональные. Основные мотивы представлены прочерченными линиями, реже – отступающими наколами. Толщина стенок в среднем – 0,6–0,7 см, минимальная толщина – 0,4 см, максимальная – 0,8 см. Сосуды изготавливались из широких лент, стенки выбивались с помощью специальной колотушки, обмотанной шнуром. Вид программы конструирования и направление формовки еще предстоит уточнить.

Группа 3 (рис. 4) представлена 18 фрагментами керамики от 4 сосудов посольского типа. Посольской керамике, как и хайтинской, присуща сложная закрытая форма сосудов с приостренным или округлым дном. Венчики – овальные или приостренные в профиле с утолщением с внешней стороны в виде налепа подтреугольной формы со сглаженным ребром, декорированы оттисками зубчатого штампа или стека. Снаружи в зоне венчика по линии, выполненной отступающими наколами, расположены небольшие в диаметре отверстия. На внешней поверхности сосудов фиксируются следы выбивки колотушкой, обмотанной шнуром. Орнамент, как правило, занимает верхнюю треть сосуда и представлен сочетанием горизонтальных прямолинейных мотивов из прочерченных линий и наколов, выполненных зубчатым штампом, стеком с прямоугольным и изогнутым рабочим краем в технике отступления или прерывания. Внизу композиция завершается группами вертикально и наклонно поставленных линейных наколов или треугольников, обращенных вершиной вниз, от которых отходят короткие вертикальные линии. Толщина стенок – в пределах 0,5–0,7 см. Толщина подтреугольного налепа – 1,5–1,6 см. Некоторое морфологическое и технологическое сходство хайтинских и посольских сосудов дает основание выдвинуть предположение об общих принципах формовки керамики этих двух типов.

Таблица 1

Характеристика керамики Усть-Белой по группам в соответствии с морфологическими и техническими особенностями

Группа №	Тип/название	Кол-во фрагм.	Кол-во сосудов	% от общ. числа фрагм.	% от общего числа сосудов	Форма сосуда	Техника декорирования	Технический декор
1	–	6	2	0,52	1,33	–	–	сетка-плетенка
2	хайтинский	45	20	3,9	13,33	сложная, параболоидная, закрытая	прочерчивание, отступающие наколы	шнур
3	посольский	18	4	1,57	2,67	сложная, параболоидная, закрытая	отступающие наколы	шнур
4	усть-бельский	797	67	69,30	44,67	простая, овалоидная, открытая и закрытая	отступающие наколы	–
5	рубчатая	67	5	5,83	3,33	простая, сложная, закрытая	накальвание	рубчатая лопатка
6	рубчатая	4	1	0,35	0,67	простая	отступающие наколы	рубчатая лопатка
7	–	10	1	0,87	0,67	сложная, закрытая	прочерчивание	–
8	–	10	1	0,87	0,67	простая, закрытая	отступающие наколы	рубчатая лопатка (?)
9	пунктирно-гребенчатая	11	1	0,96	0,67	–	накальвание	–
10	тышкинейский (сеногдинский)	17	9	1,48	6	простая, закрытая	накальвание, рельефная (налеп)	шнур
11	–	12	3	1,04	2	сложная, закрытая, с плоским дном	–	«вафельный» декор

Окончание табл. 1

Группа №	Тип/название	Кол-во фрагм.	Кол-во сосудов	% от общ. числа фрагм.	% от общего числа сосудов	Форма сосуда	Техника декорирования	Технический декор
12	–	9	8	0,78	5,33	сложная, овалоидная, закрытая	накальвание, рельефная (налеп)	«вафельный» декор (в одном случае)
13	–	5	1	0,43	0,67	–	рельефная	–
14	–	36	5	3,13	3,33	простая, закрытая (?)	накальвание, рельефная (пальцевые защиты)	–
15	–	15	11	1,30	7,33	сложная, закрытая, с плоским дном	накальвание, прочерчивание	–
16	–	9	1	0,78	0,67	закрытая	накальвание	сетка-плетенка (?)
17	–	8	4	0,70	2,67	–	накальвание	–
18	–	5	2	0,43	1,33	сложная, закрытая	прочерчивание	–
19	–	15	3	1,30	2	–	накальвание	–
20	–	51	1	4,43	0,67	сложная, закрытая	накальвание	–
Всего								
20	–	1150	150	100	100	–	–	–

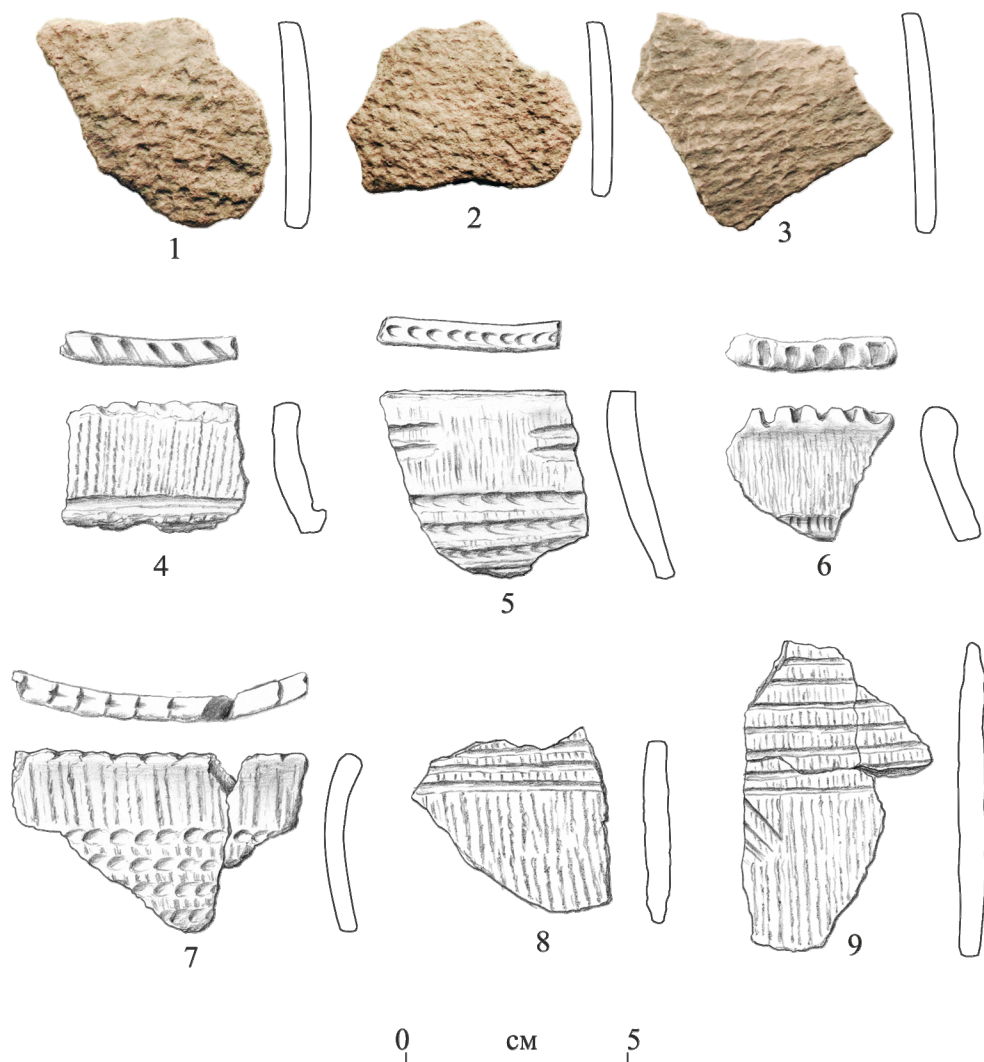

Рис. 3. 1–3 – группа 1, сетчатая керамика;
4–9 – группа 2, керамика хайтинского типа

Наиболее полно сохранилась верхняя часть одного сосуда (14 фрагментов) (рис. 4, 1). Стенки тонкие (0,3–0,4 см), что говорит в пользу их выколачивания, при этом отпечатки шнура на них отсутствуют. Форма сосуда – закрытая, верхняя часть слабо профилирована. Приостренный венчик имеет утолщение (до 0,6 см) и с внешней стороны украшен рядом крупных наков, выполненных широким краем стека подтреугольной формы. Привенчиковая часть декорирована горизонтальными рядами таких же наков, поставленных более аккуратно. От них на некотором расстоянии друг от друга отходят вниз диагональные сдвоенные короткие ряды наков.

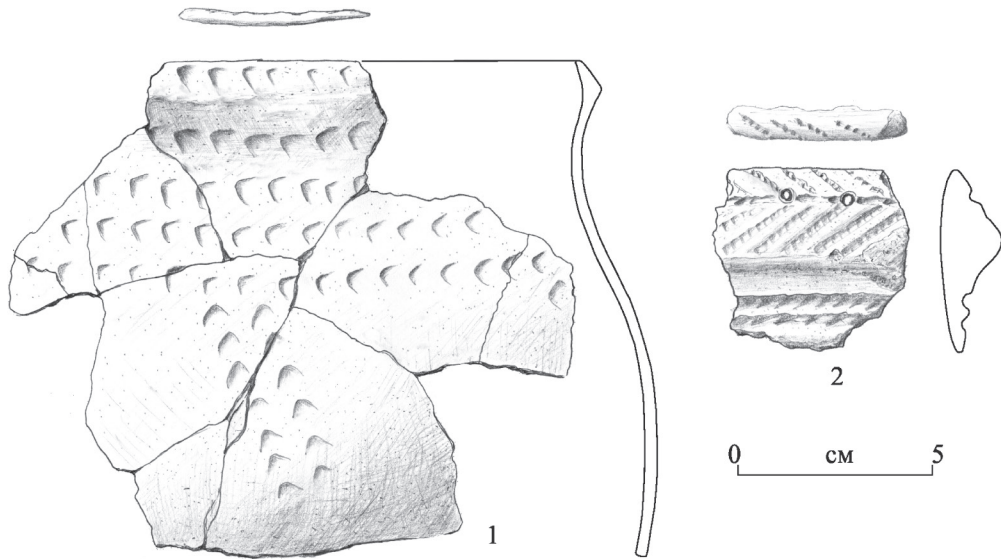

Рис. 4. Группа 3, керамика посольского типа

Группа 4 (рис. 5). 797 фрагментов от 67 сосудов усть-бельского типа. 4 сосуда – археологически целые. Форма открытая либо закрытая, овалоидная. Черепок плотный, толщиной в среднем 0,3–0,5 см, реже до 0,8–1 см. Венчик овальной или приостренной формы декорировался с внешней и внутренней стороны одним или двумя рядами зубчатого штампа, реже оттисками стека. Толщина венчика варьирует в пределах 0,7–1,5 см. В приустьевой части с внешней стороны располагается ряд округлых ямок. Сосуд орнаментировался либо полностью, либо только в верхней части рядами отступающей лопатки или различных штампов (гладкого, личиночного, зубчатого). Композиция орнамента состоит из прямых и зигзагообразных линий, которые могут быть как горизонтальными (встречаются чаще), так и вертикальными.

Сосуды усть-бельского типа изготавливались из широких глиняных лент по емкостной программе с присоединением дна сверху. После моделирования тулова они тщательно выколачивались гладкой колотушкой. Возможно, в ряде случаев сосуды формовались на шаблоне (форме-основе), в качестве которого использовались другие емкости, в пользу чего говорят зафиксированные в нескольких случаях негативы орнамента на внутренней поверхности придонной части. Венчик формировался при помощи дополнительной ленты, крепившейся изнутри, в результате чего появлялось утолщение. Поверх спая приустьевых лент накладывался жгутик, завершавший формирование венчика.

Группу 5 (рис. 6, 1–5) составляют сосуды, объединенные общим признаком – техническим декором, который представляет собой следы выбивки резной колотушкой (так называемая рубчатая лопатка). В эту группу входит 67 фрагментов от 5 сосудов. Максимальная толщина стенок – 0,7 см, минимальная – 0,3 см, в среднем – 0,5–0,6 см. Толщина венчика – от 0,6–0,8 см до

1 см. Форма сосудов закрытая, овалоидная. Венчик приостренный, внутренне или внешне асимметричный, в некоторых случаях слегка отогнут наружу. Срез венчика декорирован оттисками, выполненными зубчатым штампом либо ребром стека. С внешней стороны под венчиком расположен один, реже два ряда жемчужин, выполненных округлой палочкой.

Один из сосудов (рис. 6, 5) отличается тем, что имеет прямой венчик с утолщением в виде карниза с внешней стороны. Под ним располагается ряд округлых ямок. Внутренняя поверхность сосуда неровная, со следами вдавленных, оставленными пальцами гончара. Возможно, при выбивке резной колотушкой мастер поддерживал руками стенки изнутри. Черепок плотный, тонкий – 0,4–0,6 см. Толщина карниза – 0,7 см.

Другой сосуд (23 фрагмента) примечателен тем, что следы рубчатой лопатки на нем тщательно затерты (рис. 6, 4). Форма до конца не установлена, но, судя по сохранившимся фрагментам, она закрытая, со слабой профилировкой в верхней части. Срез венчика прямой, декорирован оттисками стека. С внешней стороны сосуда под венчиком располагается ряд неровно поставленных округлых ямок. Тулово орнаментировано разнонаправленными рядами наколов, выполненных, по всей видимости, при помощи края широкого стека. Наколы имеют вытянутую подтреугольную форму, а в их верхней части расположены поперечные бороздки. Довольно тонкие стенки сосуда (0,4–0,5 см) утолщаются в верхней части до 0,8 см. Толщина венчика в области среза – 0,9 см.

Группа 6 (рис. 6, 6). К ней относятся 4 апплицируемых фрагмента приустьевой зоны сосуда. Высота реконструируемой части – 10,5 см. Форма точно не установлена (возможно, открытая), профилировка отсутствует. Толщина стенок – 0,5–0,8 см, венчика – 0,8–1,1 см. Срез венчика прямой, декорирован линией наколов, выполненных узким стеком в технике отступления. Характерной особенностью сосуда является волнистый край венчика. Приустьевая зона орнаментирована девятью параллельными зигзагообразными линиями, выполненными отступающими узкими наколами. Вся поверхность сосуда декорирована при помощи выбивки резной колотушкой.

Группу 7 (рис. 7, 1) составляют 10 фрагментов верхней части сосуда закрытой формы со слабой профилировкой в приустьевой зоне. Толщина стенок – 0,4–0,6 см, венчика – 0,6 см. Срез венчика прямой, декорирован с внешней стороны оттисками стека. Под венчиком (в 1,5 см от среза) нанесены широкие прочерченные параллельные относительно друг друга горизонтальные линии.

Группа 8 (рис. 7, 2). 10 фрагментов сосуда закрытой формы с профилировкой в верхней части. Срез венчика прямой, декорированный оттисками стека. На внешней поверхности сосуда читается технический декор в виде горизонтальных штрихов (резная лопатка?). Композиция орнамента реконструируемой части представляет собой чередование групп, состоящих из горизонтальных и вертикальных рядов отступающих наколов, выполненных узким стеком подтреугольной формы. Толщина стенок – 0,6 см, венчика – 0,8 см.

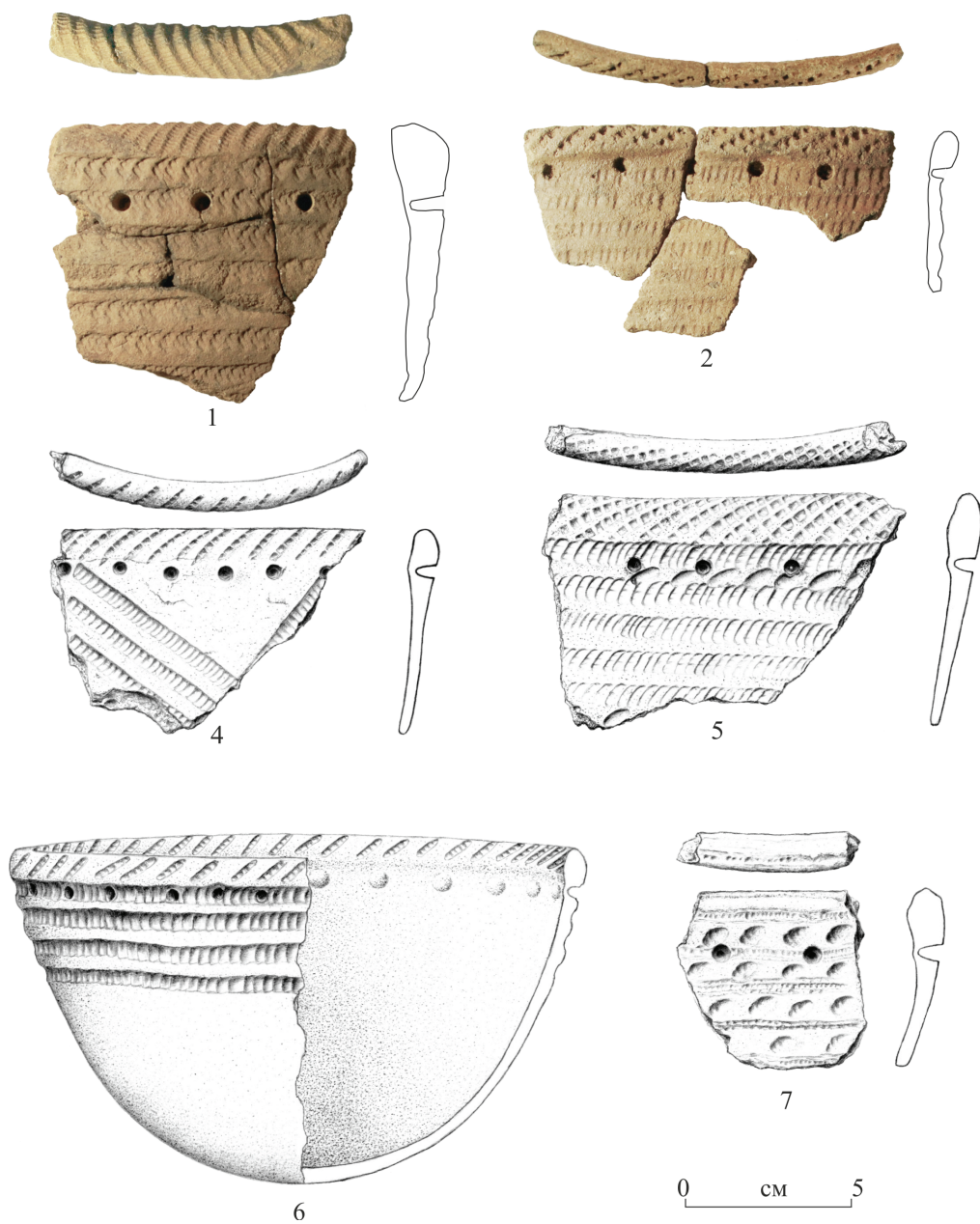

Рис. 5. Группа 4, керамика усть-бельского типа

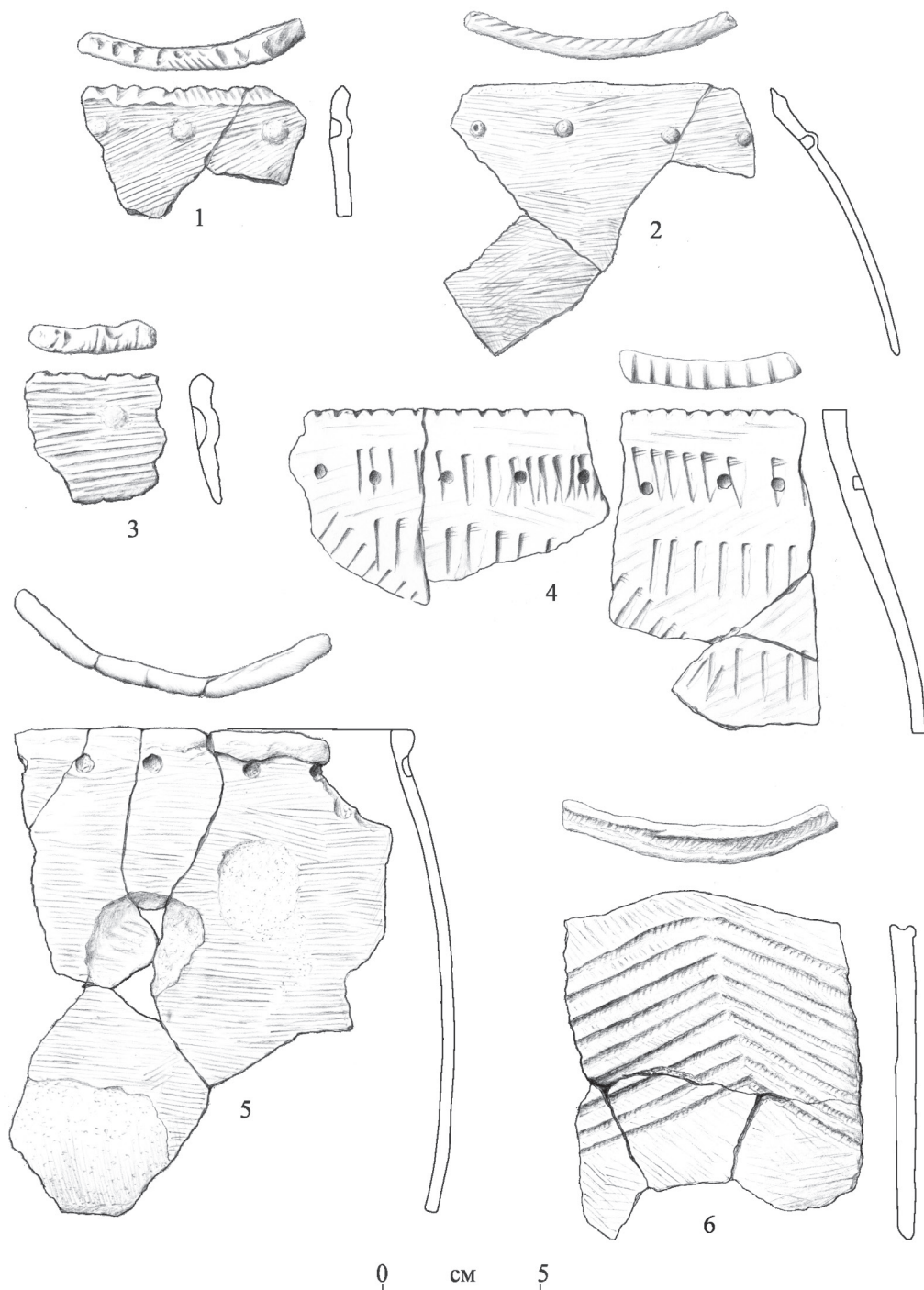

Рис. 6. 1–5 – группа 5, рубчатая керамика;
6 – группа 6, рубчатая керамика с волнистым краем

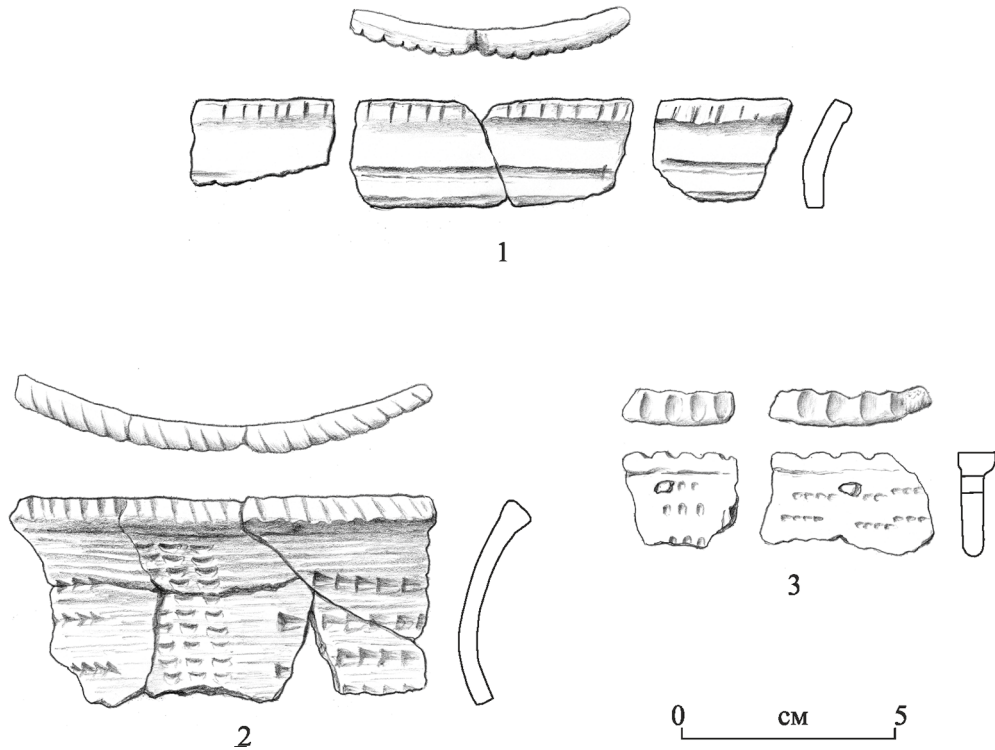

Рис. 7. 1 – группа 7; 2 – группа 8;
3 – группа 9, пунктирно-гребенчатая керамика

Группа 9 (рис. 7, 3) представлена 11 фрагментами пунктирно-гребенчатого сосуда предположительно простой формы. Стенки толщиной 0,4–0,5 см. Срез венчика прямой, с внешней стороны имеет небольшой карниз, декорирован оттисками зубчатого штампа. Толщина венчика в районе карниза – 0,8–0,9 см. Под ним располагается ряд отверстий неправильной формы. На одной части сосуда в привенчиковой зоне расположен вертикальный ряд из оттисков штампа с тремя мелкими округлыми зубцами, уменьшающимися в размере от первого к третьему. На другой части сосуда в приустьеовой зоне расположены ряды оттисков штампа с четырьмя зубцами, расположенными вплотную друг к другу. Все оттиски поставлены неглубоко.

Группу 10 (рис. 8) составляют 17 фрагментов от 9 сосудов на поддонах тышкинейского (сеногдинского) типа, для которого помимо поддонов характерными особенностями являются шнуровой техникой декор и тонкие примазочные валики. Сосуды этого типа, как правило, имеют закрытую форму с выраженной шейкой и слегка отогнутым венчиком [Кичигин, 2010]. Стенки тонкие – 0,35–0,5 см. Интерес представляет один фрагмент привенчиковой части (рис. 8, 1). Срез прямой, отогнутый наружу, декорирован вдавлениями с протаскиванием зубчатого инструмента. Под венчиком на узкой полосе видны следы в виде борозд – возможно, оттиски шнура. Часть декора не сохранилась,

предположительно это был налепной рассеченный валик. Ниже – широкая зона, на которой расположены вдавления прямоугольной формы. Затем идет налепной валик, рассеченный вдавлениями (с протаскиванием) зубчатого инструмента, аналогичными тем, что находятся на срезе венчика. Сохранилось 6 фрагментов от трех поддонов (рис. 8, 4–5). Два фрагмента поддона (высотой 1,2 см) шнуrowого сосуда орнаментированы по краю оттисками приостренного стека (?). Три фрагмента от второго поддона декорированы, судя по всему, эпифизом мелкой косточки (птицы или грызуна). Высота его – 0,7–0,9 см. Еще один фрагмент поддона от толстостенного сосуда (толщина стенок и дна около 1 см) – не орнаментирован. Высота – около 1 см.

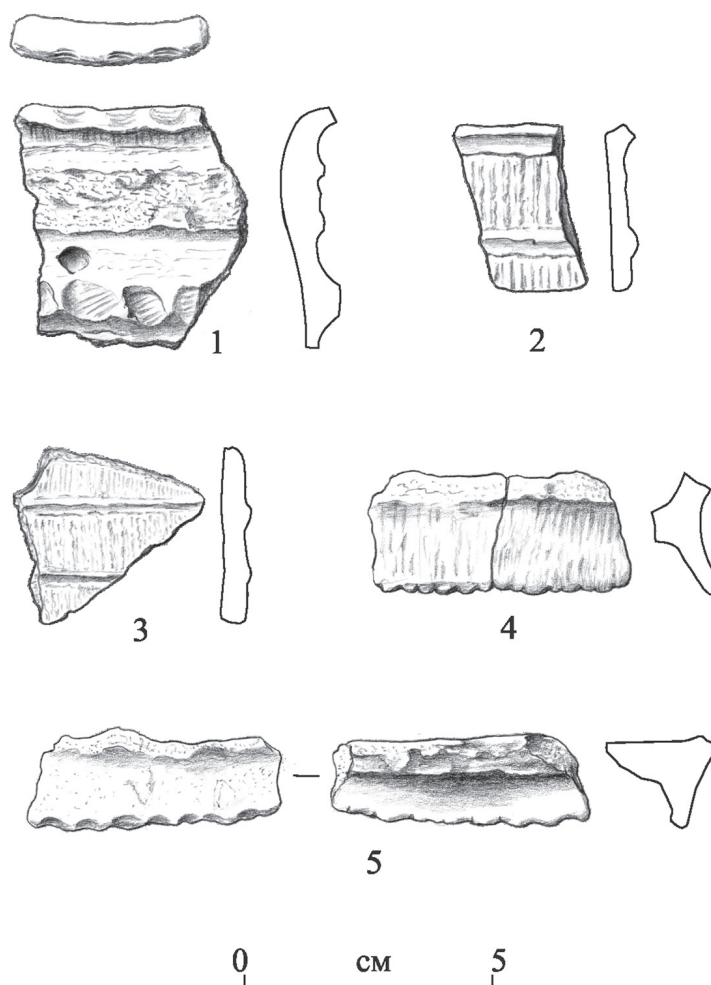

Рис. 8. Группа 10, керамика тышкинейского (сеногдинского) типа

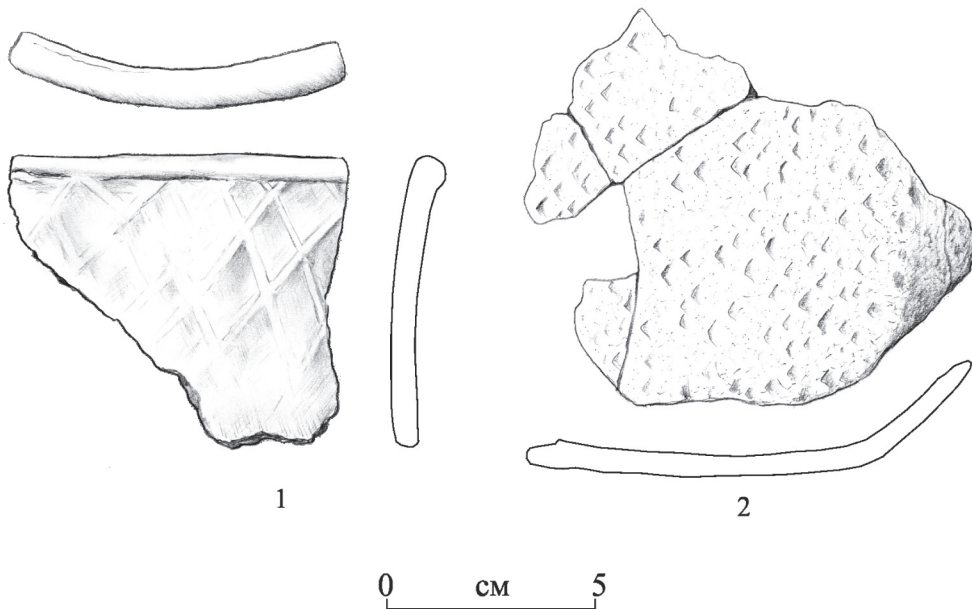

Рис. 9. Группа 11, керамика с ячеистым («вафельным») декором

Группа 11 (рис. 9). В нее входят 12 фрагментов от 3 сосудов. Их объединяет технический декор: ячеистые (так называемые вафельные) оттиски разных размеров. Один из фрагментов представляет собой уплощенную донную часть сосуда (рис. 9, 1). Толщина дна – 0,5–0,6 см, стенок сосуда – 0,6–0,8 см. Размер сегментов декора различный: от 0,3×0,3 до 0,5×0,6 см. Еще два фрагмента, принадлежащие, по всей видимости, одному сосуду (форму которого установить не удалось), декорированы «вафельными» оттисками с размерами ячеи 0,4×0,6 и 0,3×0,5 см (рис. 9, 2). Толщина стенок – 0,3–0,5 см. «Вафельный» декор на рассматриваемых сосудах является следствием выбивки внешней поверхности резной ячеистой колотушкой. Интерес вызывает приустьева часть третьего сосуда закрытой формы со слабой профилировкой. Она декорирована крупными ромбовидными ячеистыми оттисками размерами 1,2×1,2 см и 1,3×1,5 см. Орнамент отсутствует, толщина стенок – 0,7 см. Венчик овальный, слегка отогнут наружу, толщиной 0,9–1 см. К сожалению, малая площадь фрагмента не позволяет судить о том, каким образом нанесены оттиски – в результате выбивки или тиснения.

Группа 12 (рис. 10, 1–5) представлена 9 фрагментами от 8 сосудов, в числе которых один археологически целый. Сюда вошли фрагменты разнообразной керамики с рассеченными пальцевыми вдавленными наклепными валиками. Реконструированный сосуд (рис. 10, 4) имеет простую, закрытую форму со слабой профилировкой в приустьевой зоне. Высота сосуда – более 20 см (реконструируемая часть – 18,5 см). Диаметр по венчику – около 22 см. Толщина стенок – 0,5 см, в зоне устья – 0,8 см. Один валик располагается непосредственно на венчике, второй – под ним. Расстояние между валиками в среднем – 1,5 см.

Толщина венчика, учитывая налепной валик, – 0,9–1 см. На тулове читаются тщательно заглаженные следы «вафельного» технического декора. Крупный фрагмент другого сосуда (рис. 10, 3) также имеет два рассеченных пальцевыми вдавлениями валика в приустьевой зоне, но между ними расположен ряд округлых ямок. Форма сосуда закрытая, верхняя часть профилирована. Толщина стенок – 0,6–0,7 см, в районе шейки они утончаются до 0,5 см. Толщина венчика с учетом валика – около 1,1 см. Расстояние между валиками – около 2,5 см. На другом фрагменте привенчиковой части толстостенного сосуда (толщина стенок – 0,6–0,8 см) налепной валик рассечен оттисками стека (рис. 10, 1). Форма сосуда не установлена. Венчик в профиле овальный, асимметричный. Остальные сосуды из данной группы представлены небольшими малоинформативными фрагментами.

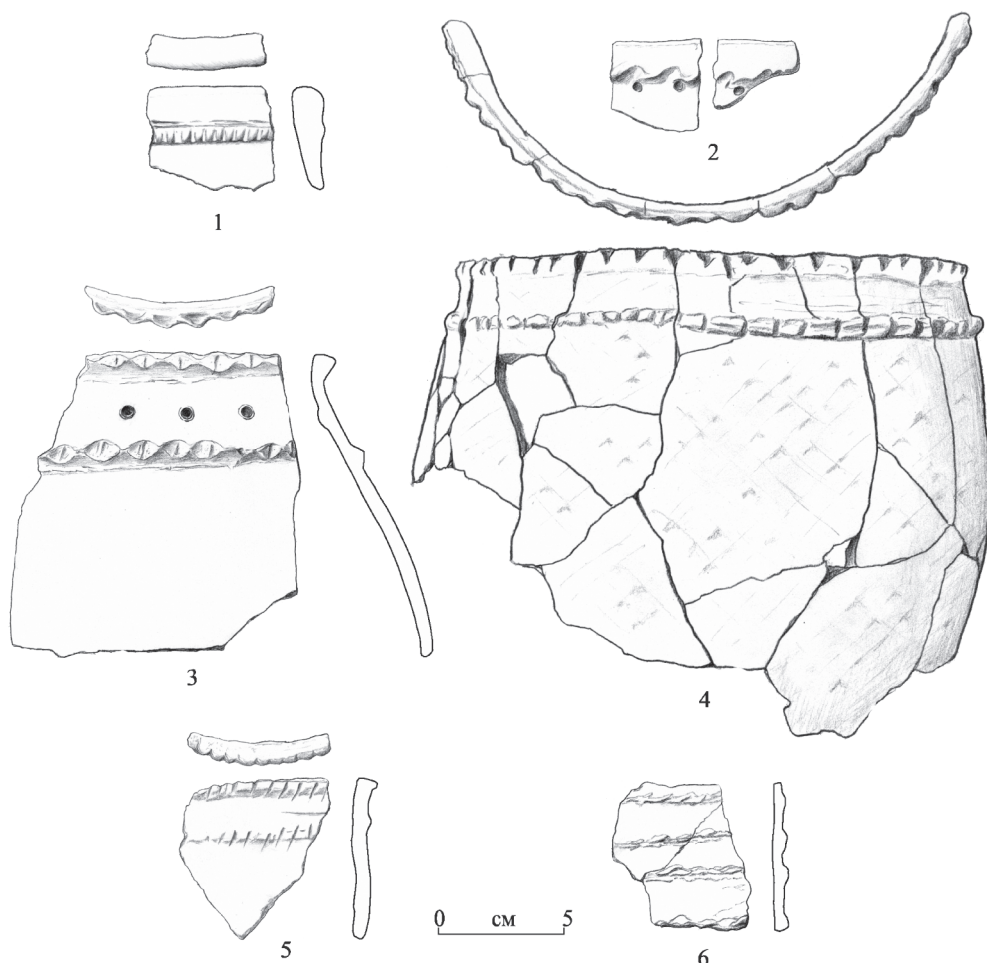

Рис. 10. 1–5 – группа 12, керамика с рассеченными налепными валиками;
6 – группа 13, керамика с тонкими примачочными валиками

Группа 13 (рис. 10, б). К ней отнесены 5 фрагментов от тонкостенного сосуда (толщина стенок – 0,3–0,4 см) с нанесенными на него слегка размазанными тонкими валиками. Привенчиковая часть отсутствует. Самый крупный фрагмент имеет 4 валика. Между первым, вторым и третьим валиками расстояние около 1 см, между третьим и четвертым – 1,5 см.

Группу 14 составляют 36 фрагментов от 5 сосудов. В нее вошли фрагменты с пальцевыми защипами различных форм, размеров и глубины вдавления. Один из сосудов, сохранившихся наиболее полно (рис. 11), представлен 24 фрагментами приустьевого части. Форма его предположительно простая, открытая. Стенки сосуда толстые – 0,6–0,8 см. Срез венчика приостренный, скошенный внутрь, декорирован с внутренней стороны подушечками пальцев. Под венчиком располагается пояс округлых ямок. Сосуд орнаментирован линиями и плотными группами пальцевых защипов. Определить композицию и сюжет орнамента затруднительно. Другой сосуд, представленный 5 фрагментами, имеет овальный отогнутый наружу венчик с крупными наколами по срезу. Под венчиком расположены два горизонтальных ряда сплошных крупных и глубоких пальцевых защипов. Форма сосуда закрытая. Толщина черепка – 0,4–0,6 см. Еще один сосуд, представленный 3 фрагментами, имеет прямой венчик, декорированный изнутри отпечатками стека. Под ним расположен ряд жемчужин. Фрагменты орнаментированы тремя параллельными рядами маленьких неглубоких разреженных защипов. Толщина черепка – 0,5–0,7 см.

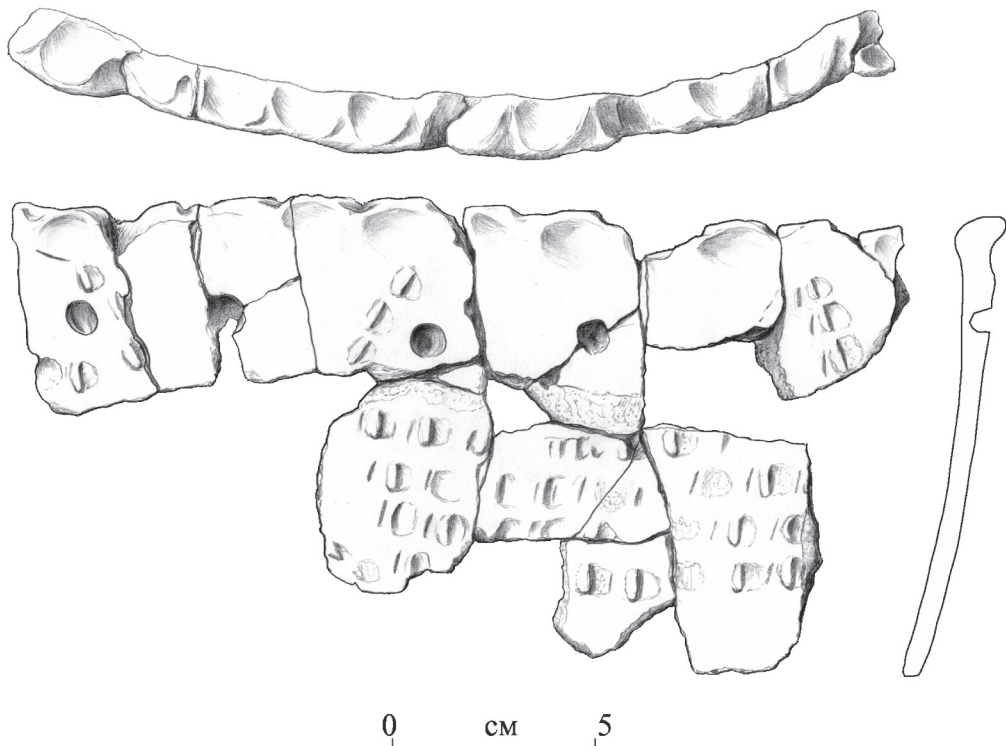

Рис. 11. Группа 14, керамика с пальцевыми защипами

Группа 15 (рис. 12, 1–3). К ней относятся 15 фрагментов от 11 гладкостенных сосудов. Форма закрытая, верхняя часть слабо профилирована. Стенки сосуда толстые, в пределах 0,8–1,2 см, у венчика несколько тоньше – до 0,6 см. Венчик прямой, чуть отогнут наружу, с внешней стороны рассечен оттисками стека. В приустьеовой зоне снаружи нанесена прочерченная горизонтальная линия, поверх которой расположен ряд округлых ямок. От линии вниз отходят диагональные прочерченные линии, образующие треугольники.

Группа 16 (рис. 13, 1). В нее входят 9 фрагментов сосуда, на поверхности которого читаются выщерблены, оставленные, судя по всему, узлами плетеной сетки. Форма сосудов не установлена, возможно, закрытая. Венчик прямой, отогнутый наружу, на одном фрагменте – с карнизом. Срез декорирован округлыми наколами. Под венчиком расположен ряд ямок либо отверстий. На одном из фрагментов зафиксирована диагональная прочерченная линия.

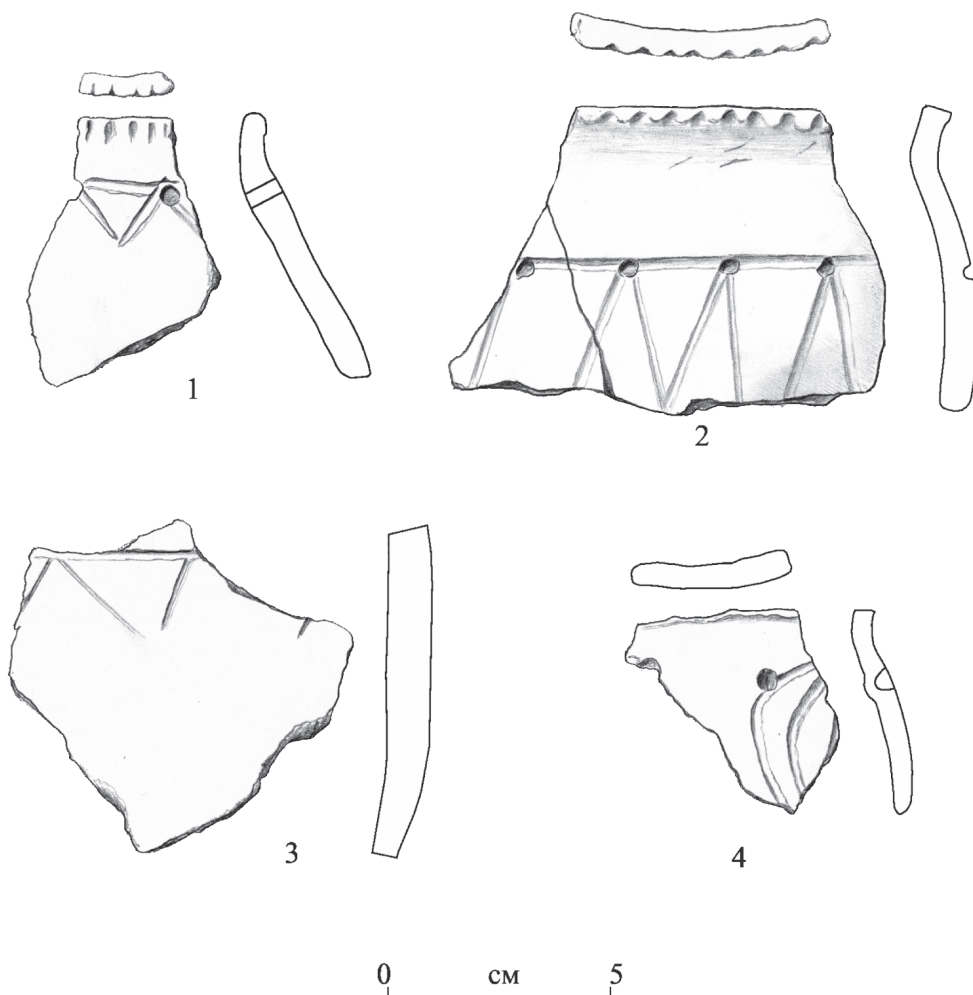

Рис. 12. 1–3 – группа 15, керамика с прямыми прочерченными линиями; 4 – группа 18, керамика с прочерченным «растительным» орнаментом

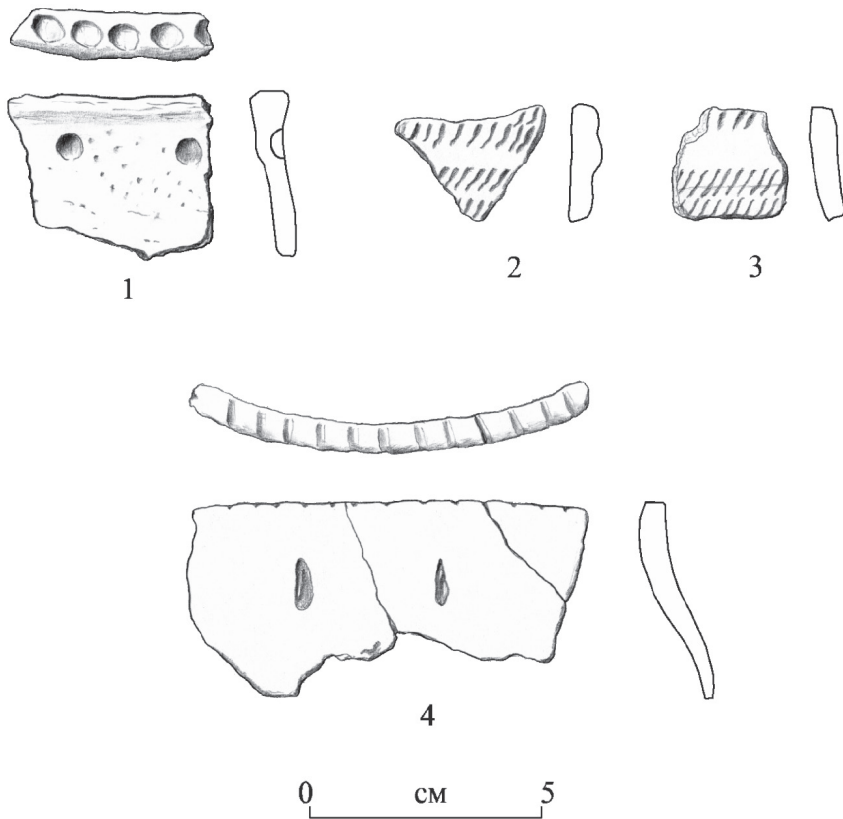

Рис. 13. 1 – группа 16; 2, 3 – группа 17; 4 – группа 19

Группу 17 (рис. 13, 2, 3) составляют 8 фрагментов от 4 сосудов. Форма не установлена, венчики отсутствуют. Фрагменты тулова украшены рядами плотно поставленных наколов, выполненных рабочим краем широкой лопатки. Наколы нанесены вертикально либо под наклоном. Средняя толщина стенок сосудов данной группы – 0,4–0,6 см.

Группа 18 (рис. 12, 4) представлена 5 фрагментами от 2 тонкостенных сосудов. Форма не установлена. Сосуды украшены тонкими изогнутыми либо дугообразными прочерченными линиями, имитирующими «растительный» орнамент. На одном фрагменте слабопрофилированного сосуда под венчиком располагаются две ямки. Фрагментарность материала не позволяет восстановить композицию орнамента.

Группа 19 (рис. 13, 4). К ней отнесены 15 фрагментов от 3 сосудов. Характерной особенностью для данной группы является декор. Все фрагменты орнаментированы горизонтальными или вертикальными отдельно поставленными удлинненными наколами, выполненными широким рабочим краем лопатки различных размеров. Форма сосудов, возможно, сложная, закрытая. Венчик – прямой, в ряде случаев слегка отогнут наружу, декорирован краем лопатки, в том числе с внутренней стороны. Толщина черепка варьирует в пределах 0,4–0,7 см.

Группа 20 (рис. 14). К ней относится 51 фрагмент, принадлежащий крупному сосуду. Высота реконструируемой части – 17 см. Форма закрытая, сосуд в верхней части слабо профилирован. Стенки толстые – 0,6–0,8 см. Венчик прямой формы, слегка отогнут наружу. По срезу с внешней стороны он рассечен крупными наколами прямоугольной формы. Ниже располагается поясок жемчужин. Очень необычен орнамент сосуда. Композиция представляет собой несколько (около 3-4) замкнутых шестиугольных фигур, выполненных крупными наколами прямоугольной формы. Две длинные стороны фигуры перпендикулярны оси сосуда, они в свою очередь соединены между собой ломаными линиями. Внутри фигуры располагаются одна продольная линия и три-четыре поперечных.

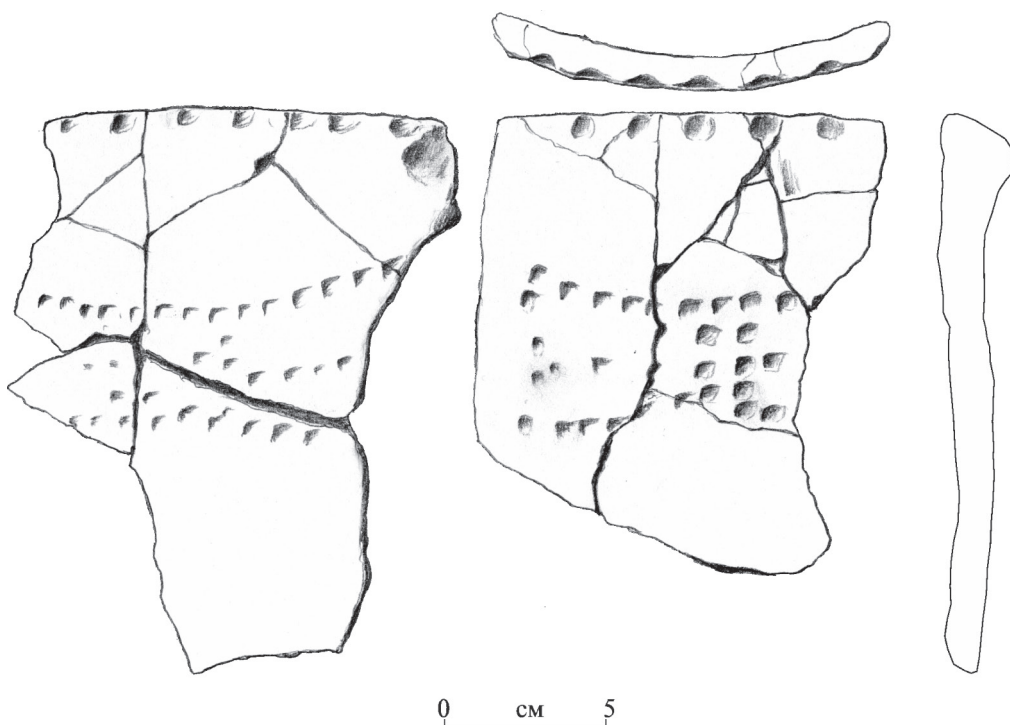

Рис. 14. Группа 20

Таким образом, на основе морфологических и технологических особенностей керамики с Усть-Белой выделено 20 групп. Из описания материала и его систематизации мы видим, насколько разнообразны и неоднородны керамические комплексы стоянки Усть-Белая.

Обсуждение

Стратиграфически керамика на Усть-Белой располагается в двух литологических слоях. Это почвенный горизонт А, представляющий собой черную гумусированную плотную супесь, и почвенный горизонт В – красно-бурая рыхлая супесь. Горизонт А содержит остатки времени эпохи бронзы – средне-

вековья и маркируется как I культурный горизонт (к. г.). Почвенный горизонт В, в котором фиксируется археологический материал эпохи неолита, маркируется как II к. г. В так называемых блюдцеобразных понижениях рельефа (являющихся, вероятно, реликтами древней поймы или котловинами выдувания) выделен еще один уровень залегания культурных остатков, получивший обозначение II А [Савельев, Медведев, 1973; Бердникова, 2001, с. 123]. Положение культурных остатков в почвенных горизонтах в системе макрослоистости затрудняет точное документирование разновременных комплексов, поскольку интервал образования каждого из горизонтов достаточно большой – от 2 до 4 тыс. лет при мощности 20–40 см, а археологические материалы находятся в условиях сильной компрессии.

Кроме того, культурные остатки распределяются в почвенных горизонтах не только по горизонтали, но и по вертикали, вследствие антропогенных и естественных причин (втаптывание, непреднамеренная или преднамеренная засыпка, деятельность корневых систем растений, землероющих животных и насекомых, погребение под различными наносами и т. д.) [Воробьева, Бердникова, Лежненко, 2007, с. 141–142]. Учитывая эти факты, наиболее приемлемый способ для определения возраста керамических комплексов Усть-Белой – сравнительный анализ их с аналогичными материалами, полученными из раскопок четко стратифицированных многослойных памятников юга Средней Сибири и соседних территорий.

Керамика группы 1 с оттисками сетки-плетенки распространена по всей территории юга Средней Сибири. На основании технического декора Н. А. Савельевым был выделен «сетчатый» керамический пласт в двух вариантах – канском (6500–6000 л. н.) и прибайкальском (7000–5000 л. н.) [Савельев, 1989, с. 22]. Фрагменты ранненеолитических сетчатых сосудов обнаружены на Усть-Белой во время раскопок 1950-х гг. Н. Н. Гуриной и Л. Я. Крижевской. Г. В. Синицына, опираясь на работы А. П. Окладникова, где он относил сосуды простой формы к исаковскому (раннему), а профилированные – к серовскому этапам неолита, рассматривала этот комплекс как единый исаково-серовский тип, поскольку оба вида сосудов залегали на Усть-Белой в одинаковой стратиграфической позиции. Хронодиапазон для этой керамики она определила концом V – началом III тыс. до н. э. [Синицына, 1986, с. 9].

Сегодня по материалам неолитических местонахождений юга Средней Сибири в ранней сетчатой керамике выделяется как минимум два типа [Бердников, 2013, с. 207–208]. Ранненеолитическая сетчатая керамика – наиболее древняя в регионе. Согласно радиоуглеродным датам, полученным в Приольхонье и Северном Приангарье, нижняя хронологическая граница сетчатой керамики приближается к отметке ~7800 л. н. Учитывая стратиграфические и радиоуглеродные данные, верхняя ее хронологическая граница располагается в районе ~5600–5500 л. н. [Там же, с. 208]. Единичные находки сетчатых сосудов зафиксированы в китайских погребениях раннего неолита (~7500–6000 л. н.). Недавно выделен аплинский тип сетчатой керамики, распространенный в Северном Приангарье, который предварительно датирован ~5000(5500)–4000 л. н. [Бердников, Лохов, 2013, с. 80]. Среди керамики группы 1 отсутствуют венчи-

ки, но имеющиеся в нашем распоряжении фрагменты позволяют с большой долей вероятности датировать ее ранним неолитом.

Хайтинская керамика, составляющая группу 2, распространена в Приангарье, Прибайкалье и на Верхней Лене. Близкие аналоги обнаруживаются в материалах из раскопок дарасунских памятников в Забайкалье [Кириллов, Ковычев, Кириллов, 2000, с. 12, рис. 104, б]. Сосуды хайтинского типа встречаются, как правило, при раскопках стояночных комплексов. На данный момент известно всего два захоронения с этим типом керамики: одно в районе Верхней Лены (Поповский Луг)*, где найден фрагмент венчика, второе – на мысе Уюга (маломорское побережье оз. Байкал), где обнаружен целый сосуд [Кичигин, 2014].

В результате работ Богучанской археологической экспедиции по материалам многослойных стоянок Усть-Ёдарма II и Остров Лиственничный выделен североангарский вариант керамики хайтинского типа. Если для хайтинской керамики Прибайкалья и Южного Приангарья характерны композиции орнамента преимущественно из прочерченных линий (наколы встречаются редко), то на богато декорированных сосудах североангарского варианта прочерченные линии сочетаются с рядами наколов [Лохов, Роговской, Дударёк, 2013]. Как еще одну особенность данного варианта авторы отметили способ выбивки сосудов, где в качестве наковальни использовались декорированные фрагменты хайтинской керамики, следы которых остались на внутренней поверхности стенок [Там же, с. 122]. К этому выводу авторы упомянутой выше статьи пришли после совместного с нами обсуждения вариантов интерпретации этих следов.

По всей видимости, использование в качестве наковальни фрагментов других сосудов характерно в целом для хайтинской керамики. По нашему мнению, специфический рисунок на внутренней поверхности хайтинских сосудов Южного Приангарья, в том числе с Усть-Белой, создан именно при помощи орнаментированных фрагментов (со шнуром и прочерченными линиями). Ранее эти следы интерпретировались как «близкие к горизонтали штрихи затирания или расчеса в виде неглубоких желобков» [Ветров, 2003, с. 52]. Высказывалась версия и о том, что «роль наковальни выполнял твердый плетеный каркас» [Игумнова, Савельев, Спиридонова, 2005, с. 26]. Однако в результате эксперимента, который подразумевал получение оттисков на глине, выполненных фрагментом хайтинской керамики, и сравнение получившегося рисунка со следами на внутренней поверхности сосудов, подтверждение пока находит именно наша версия.

Хайтинская керамика имеет широкий хронологический диапазон. По слою VI стоянки Саган-Заба в Приольхонье (оз. Байкал), в котором найдены фрагменты хайтинской керамики вместе с ранней сетчатой, наиболее ранние ¹⁴C-даты указывали на возраст ~7900 л. н. [Горюнова, Новиков, Вебер, 2011, с. 127]. Однако О. И. Горюнова с коллегами позднее поставили под сомнение корректность этих датировок, поскольку получены они были по костям нерпы и удревнены вследствие эффекта «старого углерода», поэтому хронологиче-

* Материалы данного захоронения, которое обнаружено В. М. Ветровым и Д. Л. Шергиным (ВСГАО), пока не опубликованы, поэтому мы вынуждены ограничиться лишь констатацией факта.

ские рамки комплекса были определены возрастом ~7300–7100 л. н. [Ранний неолит Приольхонья ... , 2012, с. 91]. Тем не менее датировка нижнего неолитического горизонта Усть-Ёдармы II в районе ~7800–7700 л. н. подтверждает древний возраст керамики хайтинского типа [Результаты спасательных работ ... , 2010, с. 540]. Верхняя хронологическая граница, как и для сетчатой керамики, определена в районе ~5600–5500 л. н. [Бердников, 2013, с. 212].

Керамика посольского типа (группа 3) широко представлена в археологических материалах Байкальской Сибири. Находки ее известны из раскопок местонахождений Среднего Енисея, Приангарья, Верхней Лены, Прибайкалья и Забайкалья. Помимо сосудов с классическим сочетанием признаков (крупный налепной валик, подчеркивающий шейку, шнуровой техникой декор) встречаются вариации простой формы с утолщенным венчиком, но без налепного валика [Горюнова, Савельев, 1990, рис. 76, 7; Цыденова, Хамзина, 2006, рис. 1, 3–4; рис. 2, 1–3; Стоянка им. Генералова ... , 2014, рис. 6, 8]. В качестве инструмента при выбивке использовалась также гладкая или резная (рубчатая) лопатка.

В Забайкалье керамика, аналогичная посольской, отнесена В. М. Ветровым к усть-юмурченской культуре, сосуды которой имеют как простую, так и сложную форму. Внешняя поверхность гладкая либо декорирована оттисками шнура или рубчатой лопатки. Как и на юге Средней Сибири, встречены сосуды двух вариантов – с налепным валиком и простым утолщенным венчиком. В качестве орнаментов использовались стек с прямоугольным или овальным краем и зубчатый штамп. Отверстия в приустьевой зоне фиксируются не во всех случаях [Ветров, 2011, с. 35–36]. Интересно, что на Усть-Белой среди сосудов посольского типа есть как фрагменты классического варианта, так и фрагменты с такими нехарактерными чертами, как гладкие стенки, отсутствие пояса отверстий и декорирование крупными наколами.

В последние десятилетия уточнена датировка посольской керамики. Наиболее ранние сосуды обнаружены в слое I1Г Пещеры Еленева с радиоуглеродными датами 6530±60 л. н. (СОАН-2907) и 6900±115 л. н. (СОАН-3998) [Макаров, 2012, с. 70] и в слое VII Казачки I, возраст которого укладывается в интервал ~6800–6600 л. н. [Воробьева, Савельев, 1984, с. 149]. В качестве верхней границы хронодиапазона выступает ¹⁴C-дата по III слою стоянки Няша – 4080±60 л. н. (б/и) [Макаров, 2012, с. 69]. В Забайкалье керамика усть-юмурченской культуры В. М. Ветровым приблизительно датирована в интервале ~5000(4600)–3500 л. н. [Ветров, 2011]. В начале 1990-х гг. получена дата со стоянки Посольская – 5750±110 л. н. (ГИН-5792) [Константинов, Базарова, Семина, 1995, с. 23].

Группа 4 представлена керамикой усть-бельского типа. Впервые термин «усть-бельская керамика» появился в 1973 г. [Савельев, Медведев, 1973]. Она распространена по всей территории юга Средней Сибири от бассейна Среднего Енисея и Северного Приангарья до верховьев Лены и берегов Байкала и встречается преимущественно в материалах стояночных комплексов. Лишь в двух погребениях обнаружены усть-бельские сосуды данного типа. Первая находка – в захоронении на территории местонахождения Посольская на Байкале

(раскопки А. А. Хамзина, 1989 г.). Второй сосуд найден в погребении на стоянке им. Генералова в 2013 г. на р. Чуне [Стоянка им. Генералова ... , 2014].

Наиболее древние находки усть-бельской керамики происходят из VI слоя стоянки Казачка I с радиоуглеродными датами 6650 ± 200 л. н. (ЛЕ-1231) [Воробьева, Савельев, 1984, с. 149]. Еще одна близкая дата получена по слою 11В Пещеры Еленева – 6475 ± 190 л. н. (СОАН-2906), где также найдены фрагменты сосудов усть-бельского типа [Макаров, 2005]. Даты 4080 ± 60 л. н. (б/и) по слою III стоянки Няша и 4150 ± 80 л. н. (ЛЕ-1280), 4060 ± 80 л. н. (ГИН-4877) по слою VIII Улан-Хады [Горюнова, Савельев, 1990, с. 129] определяют верхнюю границу хронодиапазона. Сравнительно недавно получены даты по материалам памятников Северного Приангарья: по нагару усть-бельского сосуда со стоянки Сергушкин-1 Пункт «А» – 6000 ± 100 л. н. [Герман, Леонтьев, 2013, с. 151], по углю из кострища поселения Деревня Пашино, где калиброванная дата соответствует концу V – первой половине IV тыс. до н. э. [Гришин, Гаркуша, Марченко, 2011, с. 129].

Керамика 5-й группы с техническим декором в виде оттисков рубчатой лопатки распространена на территории между Приангарьем и байкальским побережьем. Следует отметить, что керамический комплекс с рубчатой лопаткой весьма неоднороден – только по материалам Усть-Белой можно выделить как минимум два типа. К первому относятся сосуды простой закрытой формы, полностью декорированные оттисками рубчатой лопатки. Срез венчика приотсранный, иногда слегка отогнутый, декорировался оттисками стека либо зубчатого штампа. В привенчиковой зоне расположен один, реже два ряда «жемчужин». Существует вариант, когда вместо жемчужин нанесен ряд округлых ямок. К другому типу можно отнести сосуд закрытой формы со слабой профилировкой. Оттиски рубчатой лопатки тщательно затерты. Срез венчика прямой, декорирован оттисками ребра лопатки. С внешней стороны сосуда под венчиком располагается ряд округлых ямок. Композиция орнамента представляет собой сочетание горизонтальных и наклонных рядов из вытянутых наколов, выполненных, по всей видимости, при помощи края широкого стека.

Сосуды первого типа с Улан-Хады А. П. Окладников и Л. П. Хлобыстин относили к глазковской культуре. Рубчатые сосуды с рядами жемчужин, согласно радиоуглеродному датированию верхних культурных горизонтов Улан-Хады [Горюнова, Савельев, 1990, с. 129], Усть-Хайты – 4090 ± 150 л. н. (СОАН-4438) [Многослойный геoarхеологический объект ... , 2001, с. 342] и Галашихи – 4015 ± 40 л. н. (СОАН-4013) [Бердникова, 2001, с. 141], имеют хронологический диапазон ~4200–3600 тыс. л. н., т. е. могут быть датированы временем раннего бронзового века. Также оттиски рубчатой лопатки встречаются в Якутии на керамике ымыяхтахской [Федосеева, 1980] и улахан-сегеленняхской культур [Дьяконов, 2012, с. 113], относящихся к этому же периоду.

Точные аналоги керамике 6-й группы пока не известны, однако следует отметить, что подобные сосуды с волнистым краем встречаются в VIII слое Улан-Хады [Gorionova, 2003, Fig. 10] и датируются, как и значительная часть рубчатой керамики, поздним неолитом – ранним бронзовым веком.

Пунктирно-гребенчатая керамика (9-я группа) представлена фрагментами одного сосуда. Распространение пунктирно-гребенчатого пласта, выделенного в свое время по материалам V слоя стоянки Казачка I [Генералов, 1979, с. 46; Савельев, 1989, с. 23], была определена довольно широкой территорией юга Средней Сибири. Результаты предварительного анализа археологических комплексов с пунктирно-гребенчатой керамикой позволяют утверждать, что пласт включает в себя типологически разные сосуды. Один из вариантов известен из раскопок неолитических слоев ангарских стоянок [Синицына, 1985, рис. 2, 1; Новосельцева, Соколова, 2012, рис. 3, 3]. Определение ее хронодиапазона вызывает некоторые затруднения. В качестве верхней границы предложена дата 4500 л. н. [Савельев 1989, с. 23]. Похожая керамика, но с вариациями в орнаменте, известна из раскопок многослойного местонахождения Пещера Еленева (Средний Енисей) [Макаров, 2005, рис. 5, 12–14]. Согласно стратиграфической позиции и ^{14}C -датам [Там же, 2005, с. 157], возраст ее можно определить в интервале 5300(5100)–4600 л. н.

С пунктирно-гребенчатым пластом связывается также керамика, встречающаяся в серовских захоронениях Приангарья [Окладников, 1950, с. 206–212] и позднесеровских комплексах Приольхонья [Горюнова, 1997; Древние погребения ... , 2004; Комплекс с пунктирно-гребенчатой керамикой ... , 2011].

Керамику 10-й группы составляют сосуды тышкинейского (сеногдинского) типа, распространенные по всему побережью Байкала. Керамика данного типа встречается как при раскопках стояночных комплексов, так и плиточных могил. В связи с этим выдвинуто предположение, что появление тышкинейской керамики в конце II – начале I тыс. до н. э. сначала в Приольхонье, а затем на всем побережье Байкала связано с проникновением культуры плиточных могил из Забайкалья [Кичигин, 2010, с. 173]. Появление этих сосудов в Приольхонье отмечается радиоуглеродной датой по нагару с внутренней стенки сосуда из плиточной могилы Итерхей V-1 – 3100±35 л. н. (AA-36742) (с учетом калибровки – XIII в. до н. э.). На северо-западном побережье Байкала нижняя ее хронологическая граница маркируется ^{14}C -датой по нагару сосуда из погребального комплекса Байкальское XXXI – 2750±40 л. н. (AA-60794) (соотв. X – середине IX в. до н. э.). Верхняя граница определяется по двум датам из прослойки угля, перекрывающей II культурный слой с находками шнуровой керамики городища Байкальское I – 2140±140 л. н. (ЛЕ-3390) и 2100±30 л. н. (СОАН-3587), что соответствует II в. до н. э. с учетом калибровки [Там же, с. 174–175]. Один венчик из данной группы – без оттисков шнура, но он аналогичен другому фрагменту венчика тышкинейского (сеногдинского) типа с Усть-Белой, опубликованному Н. Е. Бердниковой [Бердникова, 2001, с. 229, рис. 66, 2].

Керамика с ячеистыми («вафельными») оттисками группы 11 представляет собой неоднородный пласт. Сосуды с данным видом технического декора распространены по всей Сибири. А. П. Окладников керамику с «шашечным орнаментом» из материалов Фофановского могильника в низовьях р. Селенги отнес к глазковскому времени [Окладников, 1955, с. 195, рис. 89]. «Вафельная» керамика рассматривается в работах Л. П. Хлобыстина [1964] и В. В. Свирина

[1976]. Оба автора датируют эту керамику концом II – началом I тыс. до н. э. В. В. Свинин считал, что она была принесена в Прибайкалье из Якутии, «где такая технология существовала в течение II тысячелетия до н. э.» [Свинин, 1976, с. 173]. Керамика с «вафельными» оттисками, для которой выделено два типа, широко распространена и на побережье Байкала. Первый тип – плоскодонные сосуды, орнаментированные горизонтальными и вертикальными налепными валиками, – керамика борисовского типа [Харинский, 2005]. Вторым типом – курлинский, зафиксированный на северо-западном побережье Байкала, – представлен круглодонными сосудами, украшенными горизонтальными рядами оттисков гребенчатого или гладкого орнамента [Кичигин, 2012]. На многослойных объектах Среднего Енисея «вафельная» керамика отнесена к шепилевскому типу, для которого характерны сосуды с рубчатыми или ячеистыми оттисками, декорированные дополнительно рядами пальцевых защипов, налепными валиками и прочерченными линиями [Мандрыка, 2005]. Подобный технический декор также характерен для керамики Якутии: ымыяхтахской культуры позднего неолита [Федосеева, 1980] и улахан-сегеленняхской культуры бронзового века [Дьяконов, 2012].

Вафельная керамика борисовского типа датируется концом I тыс. до н. э. – началом I тыс. н. э., курлинского типа – последней третью II – первой половиной I тыс. до н. э. [Кичигин, 2012, с. 17]. Шепилевская керамика имеет близкий хронодиапазон – XI–VIII вв. до н. э. [Мандрыка, 2005]. Время существования ымыяхтахской культуры определено по калиброванным ^{14}C -датам в интервале $2900 \pm 450 - 1025 \pm 235$ лет до н. э. [Алексеев, Дьяконов, 2009, с. 38]. Хронодиапазон улахан-сегеленняхской культуры (также с учетом калибровки) определяется в рамках от 1900 ± 400 до 1350 ± 350 лет до н. э. [Дьяконов, 2012, с. 114].

Сосуды с «вафельным» декором с Усть-Белой – явно позднего облика, и вряд ли они имеют отношение к керамике позднего неолита – бронзового века Якутии. Вследствие того, что их формы и композиции орнамента не установлены, мы пока не связываем их с определенным типом или культурой.

Керамика с рассеченными налепными валиками (группа 12) широко представлена в материалах памятников побережья Байкала [Кичигин, 2010; Харинский, 2005], а наиболее близкие аналоги встречены в Енисейском Приангарье на памятниках Шилка-2, Шилка-9 [Мандрыка, 2005, с. 179–180, рис. 6] и на объекте Каменка на Енисее [Фокин, 2013, с. 53–55, рис. 4].

Сосуды с налепными валиками на Байкале датируются I тыс. до н. э. Валиковую керамику Среднего и Нижнего Енисея П. В. Мандрыка относит к шилкинской культуре, определяя ее существование в рамках VI–I вв. до н. э. [Мандрыка, 2008, с. 162].

Фрагмент керамики с тонкими примазочными валиками, отнесенный к группе 13, находит аналогии на территории юга Средней Сибири, в частности в материалах североангарских и енисейских археологических объектов. По материалам Проспихинской Шиверы-IV К. В. Бирюлевой предложена типология валиковой керамики. Всего выделено три типа на основе формы и композиции орнамента [Бирюлева, 2013, с. 80].

Проблема хронологии валиковой керамики находится в стадии дискуссии. Радиоуглеродные даты с местонахождений Айканка и Язаевка – 1880 ± 25 л. н. (б/и) и 2360 ± 45 л. н. (СОАН-2936) – определяют время ее бытования на Среднем Енисее концом I тыс. до н. э. – первой половиной I тыс. н. э. Сосуды с Усть-Ковы и Проспихинской Шиверы-I приблизительно датированы второй половиной I тыс. н. э. [Бирюлева, 2013, с. 84]. Для керамики усть-ковинского типа из раскопок стоянки Итомиура получена дата 1310 ± 55 л. н. (СОАН-8951), что соответствует второй половине VII – концу IX в. н. э. [Мандрыка, Сенотрусова, 2014, с. 73]. Комплекс слоя III А поселения Катунь I на Байкале с похожей керамикой датирован в пределах III в. до н. э. – IV в. н. э. [Горюнова, Номоконова, Новиков, 2008].

Керамика 14-й группы объединена общим признаком в орнаменте – пальцевыми защипами. Для некоторых сосудов этой группы известны аналоги на Среднем Енисее [Мандрыка, 2005, рис. 7], а также на западном, северном и южном побережье Байкала. Керамику с пальцевыми защипами А. В. Харинский объединил в уту-елгинский тип, связав его со средневековой курумчинской культурой, и определил время его бытования VIII–XII вв. [Харинский, 2001, с. 50–51].

Толстостенные сосуды группы 18 с мотивом в виде прочерченного зигзага в сочетании с прямой линией и пояском ямочек на ней находят прямые аналоги в материалах каменных кладок, изученных в Приольхонье [Номоконова, 2005, с. 227]. Т. Ю. Номоконова относит их ко второму этапу позднего железного века – VIII–X вв. Аналогичные фрагменты керамики найдены в Южном Приангарье в ритуальном комплексе Макарьевская I (на берегу р. Унга), предварительная датировка которого соответствует концу I – началу II тыс. н. э. [Николаев, Кустов, 2004, рис. 6, 14, 17; 13, 4]. Подобные сосуды известны и в Западном Забайкалье и относятся к хойцегорской культуре IX–X вв. [Кызласов, 1981].

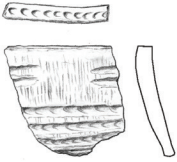
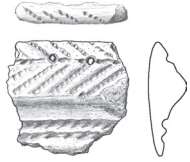
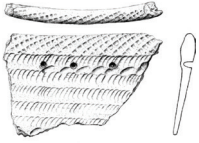
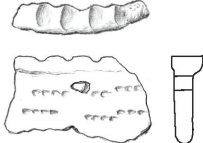
Группа 15 представлена керамикой с прочерченными линиями, имитирующими «растительный» орнамент. Аналогичные сосуды с арочным орнаментом и изогнутыми прочерченными линиями обнаружены в материалах городищ, стоянок и погребальных комплексов северо-западного побережья Байкала, Приольхонья и Южного Приангарья [Асеев, 1980, с. 102, табл. XXXIV; Харинский, 2005, с. 208, рис. 6; Номоконова, 2005, с. 223–226, табл. 1, 2].

Сосуды с прочерченным криволинейным орнаментом в сочетании «с налепными горизонтальными валиками и дугообразными вдавлениями» А. В. Харинский относит к сосновоостровскому варианту елгинской керамики, определяя время ее существования концом I тыс. до н. э. – началом I тыс. н. э. [Харинский, 2005, с. 208]. И. В. Асеев связывал средневековую керамику с прочерченным арочным орнаментом с курумчинской (курыканской) культурой VI–X вв. и шатровыми надмогильными сооружениями [Асеев, 1980, с. 13, 102]. Т. Ю. Номоконова отнесла подобную керамику из шатровых кладок Приольхонья к раннемонгольскому времени XI–XIV вв. [Номоконова, 2005, с. 226, табл. 2].

Результаты

Поиск аналогий и сравнительный анализ, выполненный для 20 керамических групп Усть-Белой, позволяет определить возраст и относительную хронологию большинства керамических комплексов Усть-Белой (табл. 2). Не удалось найти прямые аналоги и надежно атрибутировать керамику шести групп. По общим морфотехническим признакам они отнесены нами к периодам позднего неолита (гр. 16), бронзового и раннего железного веков (гр. 7, 8, 17, 19, 20).

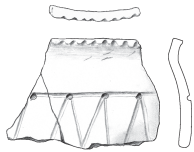

Таблица 2
Хронометрия и хронология керамических комплексов Усть-Белой

Группа №	Внешний вид	Тип керамики (характеристика)	Хронометрия
Комплексы неолита			
1		ранняя сетчатая	~7500–5500 л. н.
2		хайтинский тип	~7500–5500 л. н.
3		посольский тип	~6900–4100 л. н.
4		усть-бельский тип	~6600–4100 л. н.
9		пунктирно-гребенчатая	~5300–4500 л. н.

Продолжение табл. 2

Группа №	Внешний вид	Тип керамики (характеристика)	Хронометрия
Комплексы бронзового века			
5		рубчатая	~4200–3600 л. н.
6		рубчатая (с волнистым краем)	~4200–3600 л. н.
Комплексы раннего железного века и средневековья			
10		тышкинейский (сеногдинский) тип	~3100–2100 л. н.
11		ячеистый («вафельный») декор	~2500–1500 л. н.
12		рассеченные наlepные валики	около 2000 л. н.
13		тонкие примазочные валики	~2000–1000 л. н.
14		пальцевые зашпы	VIII–XII вв.

Окончание табл. 2

Группа №	Внешний вид	Тип керамики (характеристика)	Хронометрия
15		прямые прочерченные линии	VIII–X вв.
18		прочерченный «растительный» орнамент	XI–XIV вв.

Заключение

Из общего массива керамики, обнаруженной в сложных стратиграфических условиях многослойной стоянки Усть-Белая, на основе изучения морфотехнологических особенностей сосудов выделены культурные комплексы, выполнено их описание, анализ и классификация. Анализу подвергся преимущественно неопубликованный материал. Главный итог работы заключается в том, что удалось определить возраст и хронологию большей части керамических комплексов Усть-Белой. По результатам исследования можно сделать определенные выводы.

Материалы Усть-Белой в количественном соотношении представлены преимущественно керамикой эпохи неолита. При этом большая ее часть – сосуды усть-бельского типа (44,08 % от общего числа сосудов). В меньшем количестве встречена керамика хайтинского типа (13,16 %), а посольская и сетчатая представлена единичными фрагментами. Все это может свидетельствовать о том, что в эпоху развитого неолита представители усть-бельской общности занимали ключевые позиции в устье р. Белой. Следы синхронной ей посольской общности фиксируются главным образом в стояночных комплексах выше по р. Белой. Это в свою очередь может указывать на то, что представители усть-бельской и посольской общностей, заселившие Южное Приангарье приблизительно в одно время, не только сосуществовали, но и «делили» территории, занимая при этом собственные экологические ниши.

В эпоху палеометалла и средневековья в сравнении с неолитом наблюдается рост многообразия керамических групп, что говорит о высокой интенсивности освоения данной территории носителями разных культурных традиций Байкальской Сибири. Данный факт, а также широкий круг аналогов указывают на более высокий уровень динамики культурно-исторических процессов, протекавших в это время на территории Южного Приангарья и юга Средней Сибири в целом.

Список литературы

Алексеев А. Н. Радиоуглеродная хронология неолита и бронзового века Якутии / А. Н. Алексеев, В. М. Дьяконов // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2009. – № 3 (39). – С. 26–40.

Асеев И. В. Прибайкалье в средние века / И. В. Асеев. – Новосибирск : Наука, 1980. – 148 с.

Бердников И. М. Ключевые аспекты историко-культурных процессов на юге Средней Сибири в эпоху неолита (по материалам керамических комплексов) / И. М. Бердников // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2013. – № 1 (2). – С. 203–229.

Бердников И. М. Сетчатая керамика аплинского типа / И. М. Бердников, Д. Н. Лохов // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2013. – № 2 (3). – С. 72–83.

Бердникова Н. Е. Геоархеологический объект Усть-Белая. Культурные комплексы / Н. Е. Бердникова // Каменный век Южного Приангарья : Путеводитель международного симпозиума «Современные проблемы палеолитоведения Евразии». – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2001. – Т. 2 : Бельский геоархеологический район. – С. 113–146.

Бердникова Н. Е. Усть-Белая: история исследования / Н. Е. Бердникова // Байкальская Сибирь в древности. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1995. – С. 78–95.

Бирюлева К. В. Морфологический анализ тонковаликовой керамики поселения Проспихинская Шивера-IV / К. В. Бирюлева // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2013. – Вып. VI. – С. 75–85.

Ветров В. М. Археология Витимского плоскогорья: усть-юмурченская культура (5–4,6–3,5 тыс. л. н.) / В. М. Ветров // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири : материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 3–7 мая 2011 г. – Иркутск, 2011. – Вып. 2. – С. 34–41.

Ветров В. М. Стратиграфия стоянки Поповский Луг. К вопросу о времени зарождения керамического производства на Верхней Лене / В. М. Ветров // Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее. – Иркутск, 2003. – С. 49–53.

Воробьева Г. А. Возраст минерального субстрата в профиле почв Прибайкалья по данным археологических и радиоуглеродных датировок / Г. А. Воробьева, Н. Е. Бердникова, И. Л. Лежненко // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология : материалы Всерос. конф. с междунар. участ., посвящ. 100-летию со дня рожд. М. М. Герасимова. – Иркутск : Оттиск, 2007. – Т. 1. – С. 138–151.

Воробьева Г. А. Строение и возраст культуровмещающих отложений многослойного поселения Казачка I / Г. А. Воробьева, Н. А. Савельев // Проблемы исследования каменного века Евразии (к 100-летию открытия палеолита на Енисее) : тез. докл. краев. конф. 12–18 сент. 1984 г. – Красноярск, 1984. – С. 144–150.

Генералов А. Г. Неолитическая керамика многослойного поселения Казачка / А. Г. Генералов // КСИА. – 1979. – Вып. 157: Памятники первобытной культуры. – С. 43–47.

Георгиевская Г. М. Китайская культура Прибайкалья / Г. М. Георгиевская. – Новосибирск : Наука, 1989. – 152 с.

Герман П. В. Комплекс археологических материалов с усть-бельской керамикой стоянки Сергушкин-1, пункт «А» / П. В. Герман, С. Н. Леонтьев // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2013. – № 1 (2). – С. 133–155.

Горюнова О. И. Серовские погребения Приольхонья (оз. Байкал) / О. И. Горюнова. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 112 с.

Горюнова О. И. Многослойное поселение Катунь I – основа периодизации эпохи палеометалла побережья Чивыркуйского залива озера Байкал / О. И. Горюнова, Т. Ю. Номоконова, А. Г. Новиков // Антропоген. Палеоантропология, геоархеология, этнология Азии : сб. науч. тр. – Иркутск : Оттиск, 2008. – С. 35–45.

Горюнова О. И. Керамика раннего неолита Прибайкалья (по материалам многослойного поселения Саган-Заба II) / О. И. Горюнова, А. Г. Новиков, А. В. Вебер // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. – СПб. ; М. ; Великий Новгород, 2011. – Т. 1. – С. 125–127.

Горюнова О. И. Многослойная стоянка Улан-Хада / О. И. Горюнова, Н. А. Савельев // Стратиграфия, палеогеография и археология Юга Средней Сибири: к XIII Конгрессу ИНКВА. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1990. – С. 127–133.

Гришин А. Е. К проблеме выделения культур эпохи неолита в Северном Приангарье / А. Е. Гришин, Ю. Н. Гаркуша, Ж. В. Марченко // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. – СПб. ; М. ; Великий Новгород, 2011. – Т. 1. – С. 127–129.

Древние погребения могильника Улярба на Байкале (неолит–палеометалл) / О. И. Горюнова, А. Г. Новиков, Л. П. Зяблин, В. И. Сморова. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 88 с.

Дьяконов В. М. Керамика улахан-сегеленняхской культуры бронзового века Якутии / В. М. Дьяконов // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2012. – № 4 (52). – С. 106–115.

Игумнова Е. С. Керамика «хайтинского» типа Мишелевского геоархеологического комплекса / Е. С. Игумнова, Н. А. Савельев, Ю. В. Спиридонова // Истоки, формирование и развитие евразийской поликультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности : материалы I (XLV) Рос. с междунар. участием археол. и этногр. конф. студентов и молодых ученых (Иркутск, 12–16 апр. 2005 г.). – Иркутск, 2005. – С. 25–26.

Кириллов И. И. Дарасунский комплекс археологических памятников. Восточное Забайкалье / И. И. Кириллов, Е. В. Ковычев, О. И. Кириллов. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 176 с.

Кичигин Д. Е. Поздний бронзовый – ранний железный века Северо-Западного побережья оз. Байкал (по материалам стоянок) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Д. Е. Кичигин. – Владивосток, 2012. – 25 с.

Кичигин Д. Е. Стоянка Красный Яр II северо-западного побережья озера Байкал: итоги и перспективы / Д. Е. Кичигин // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск, 2010. – Вып. 8. – С. 154–192.

Кичигин Д. Е. Неолитическое погребение на мысе Уюга (оз. Байкал) / Д. Е. Кичигин // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Кызыл, 2014. – С. 93–97.

Комплекс с пунктирно-ребенчатой керамикой и его место в неолите Прибайкалья (по материалам многослойного поселения Саган-Заба II) / В. А. Долганов, О. И. Горюнова, А. Г. Новиков, А. В. Вебер // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2011. – Вып. 2. – С. 75–81.

Константинов Н. В. Древнее поселение Посольское (новые материалы) / Н. В. Константинов, Л. Д. Базарова, Л. В. Семина // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Бурятии и Монголии. – Улан-Удэ, 1995. – С. 18–25.

Кызласов Л. Р. Средневековые памятники Западного Забайкалья (IX–X вв.) / Л. Р. Кызласов // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М., 1981. – С. 59–61.

Лохов Д. Н. Североангарский вариант керамики хайтинского типа / Д. Н. Лохов, Е. О. Роговской, С. П. Дударёк // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2013. – № 1 (2). – С. 116–132.

Макаров Н. П. Керамика посольского типа в Байкальской и Средней Сибири / Н. П. Макаров // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири : материалы III Междунар. науч. конф. Улан-Батор, 5–9 сент. 2012 г. – Улан-Батор, 2012. – Вып. 3. – С. 67–72.

Макаров Н. П. Хронология и периодизация эпохи неолита и бронзы красноярской лесостепи / Н. П. Макаров // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск, 2005. – Вып. 3. – С. 149–171.

Мандрыка П. В. Комплексы раннего железного века Енисейского Приангарья / П. В. Мандрыка // Труды II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. – М. : ИА РАН, 2008. – Т. 2. – С. 162–164.

Мандрыка П. В. Материалы многослойного поселения Шилка-9 на Среднем Енисее и их значение для древней истории южной тайги Средней Сибири / П. В. Мандрыка // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск, 2005. – Вып. 3. – С. 172–185.

Мандрыка П. В. Культурно-хронологические комплексы палеометалла и средневековья стоянки Итомиура в Северном Приангарье / П. В. Мандрыка, П. О. Сеногросова // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2014. – Т. 8. – С. 63–81.

Мезолит Верхнего Приангарья: Памятники Ангаро-Бельского и Ангаро-Идинского районов / ред. Г. И. Медведев. – Иркутск : Иркут. ун-т, 1971. – Ч. 1 – 121 с.

Многослойный геоархеологический объект Усть-Хайта (предварительные данные) / Н. А. Савельев [и др.] // Современные проблемы Евразийского палеолитоведения : материалы докл. Междунар. симпозиума, посвящ. 130-летию открытия палеолита в России. Иркутск, 1–9 авг. 2001 г. – Новосибирск, 2001. – С. 338–352.

Николаев В. С. Ритуальные комплексы кочевников Южного Приангарья в эпоху средневековья (описание, анализ конструкций и обряда) / В. С. Николаев, М. С. Кустов // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск, 2004. – Вып. 2. – С. 193–212.

Новосельцева В. М. Новые данные по геохронологии голоценовых комплексов многослойного геоархеологического местонахождения Усть-Кеуль I в Северном Приангарье / В. М. Новосельцева, Н. Б. Соколова // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012. – Вып. 1. – С. 137–146.

Номоконова Т. Ю. Орнаментация средневековых сосудов Приольхонья (оз. Байкал) / Т. Ю. Номоконова // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск, 2005. – Вып. 3. – С. 221–229.

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья / А. П. Окладников. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. 1, 2. – 412 с. – (МИА № 18).

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья / А. П. Окладников. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1955. – Ч. 3. – 347 с. – (МИА ; № 43).

Ранний неолит Приольхонья: по материалам VI культурных слоев геоархеологического объекта Саган-Заба II / О. И. Горюнова, В. А. Долганов, А. Г. Новиков, А. В. Вебер // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012. – Вып. 1. – С. 86–93.

Результаты спасательных работ на местонахождениях Усть-Ёдарма I–III в зоне затопления Богучанской ГЭС в 2010 году / Е. А. Липнина, Д. Н. Лохов, Г. И. Медведев, В. М. Новосельцева, Е. О. Роговской // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий : материалы итог. сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск, 2010. – Т. 16. – С. 538–541.

Савельев Н. А. Неолит юга Средней Сибири: (история основных идей и современное состояние проблемы) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Н. А. Савельев. – Новосибирск, 1989. – 25 с.

Савельев Н. А. Ранний керамический комплекс многослойного поселения Усть-Белая / Н. А. Савельев, Г. И. Медведев // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М. : Наука, 1973. – С. 56–64.

Савельев Н. А. Раскопки многослойной стоянки Горелый Лес (предварительное сообщение) / Н. А. Савельев, О. И. Горюнова, А. Г. Генералов // Древняя история народов юга Восточной Сибири. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 1974. – Вып. 1. – С. 160–199.

Свинин В. В. Периодизация археологических памятников Байкала / В. В. Свинин // Изв. ВСОГО СССР. – Иркутск, 1976. – Т. 69. – С. 167–179.

Синицына Г. В. Неолитическая керамика поселения Нижесередкино на Ангаре / Г. В. Синицына // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. – Новосибирск : Наука, 1985. – С. 35–47.

Синицына Г. В. Неолитические памятники Верхней Ангары: (по материалам поселений) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Г. В. Синицына. – Л., 1986. – 23 с.

Стоянка им. Генералова (р. Чуна). Результаты охранно-спасательных работ 2013 года / Н. Е. Бердникова, Е. О. Роговской, И. М. Бердников, Е. А. Липнина, Д. Н. Лохов, С. П. Дударёк, Н. Б. Соколова, А. А. Тимошенко, А. А. Попов, Н. В. Харламова // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2014. – Т. 7. – С. 150–191.

Федосеева С. А. Ымяхтахская культура Северо-Восточной Азии / С. А. Федосеева. – Новосибирск : Наука, 1980. – 224 с.

Фокин С. М. Поселение Каменка на Енисее / С. М. Фокин // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2013. – Вып. 6. – С. 50–57.

Харинский А. В. Западное побережье озера Байкал в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. / А. В. Харинский // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск, 2005. – Вып. 3. – С. 198–215.

Харинский А. В. Предбайкалье в кон. I тыс. до н. э. – сер. II тыс. н. э.: генезис культур и их периодизация / А. В. Харинский. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2001. – 199 с.

Хлобыстин Л. П. Древние культуры побережья озера Байкал (каменный и бронзовый века) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Л. П. Хлобыстин. – Л., 1964. – 18 с.

Цыденова Н. В. Керамические материалы посольской стоянки: корреляции и варианты интерпретации / Н. В. Цыденова, Е. А. Хамзина // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск, 2006. – Вып. 4. – С. 265–273.

Goriunova O. I. The Neolithic of the Ol'khon Region (Lake Baikal) / O. I. Goriunova // Prehistoric Foragers of the Cis-Baikal, Siberia : Proceedings of the First Conference of the Baikal Archaeology Projekt / ed. by A. Weber, H. Mackenzie. – 2003. – Vol. 1. – P. 15–35.

Ceramic Complexes of Ust-Belaya: Systematization, Chronometry, Chronology

I. V. Ulanov, I. M. Berdnikov

Abstract. As a result of analysis of ceramic complexes of the multilayered site Ust-Belaya (Southern Angara region) on a basis of the morfo-technical signs we allocated 20 groups of different times. The study and comparative analysis with materials of the Baikal Siberia we distinguished the pottery on the 14 groups, its relative and absolute chronology is identified. Neolithic complexes of Khaita (~7500–5500 BP) and Ust-Belaya (~6600–4100 BP) pottery

are most representative in a quantitative sense. Neolithic Posolskaya (~6900–4100 BP) and Net-impressed (~7500–5500 BP) pottery is presented by single fragments. The period of the Late Neolithic – Bronze Age is presented by Ribbed pottery (~4200–3600 BP) of different types. Several groups, including pottery of Tyshkine (Senogda) type (~3100–2100 BP) are defined as the early Iron Age and the Middle Ages.

Keywords: Baikal Siberia, Ust-Belaya, Neolithic, Bronze Age, Early Iron Age, Middle Ages, pottery, classification, chronology.

Уланов Илья Викторович

стажер-исследователь, научно-исследовательский центр «Байкальский регион»
Иркутский государственный университет
664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
e-mail: ussr-ilya@yandex.ru

Ulanov Ilya Victorovich

Trainee Researcher, Scientific Research Center «Baikal region»
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, Russia, 664003
e-mail: ussr-ilya@yandex.ru

Бердников Иван Михайлович

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, научно-исследовательский центр «Байкальский регион»
Иркутский государственный университет
664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
e-mail: yan-maiski@yandex.ru

Berdnikov Ivan Mikhailovich

Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Scientific Research Center «Baikal region»
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, Russia, 664003
e-mail: yan-maiski@yandex.ru